

Проходит вечер, ночь пройдет -
Придут туманы,
Любая рана заживет,
Любые раны.

Зачем о будущем жалеть,
Бранить минувших?
Быть может, лучше просто петь,
Быть может, лучше? -

О яркой ветреной заре
На белом свете,
Где цепи тихих фонарей
Качает ветер,

А в желтых листьях тополей
Живет отрада:
- Была Эллада на земле,
Была Эллада...

→ АЛЕКСАНДР МОРЕВ
(1934 - 1979)

→ Р О С С И Я

① Сына взяли, и мать больная.
В комнате солнечной - темно.
На улице праздник - Первое мая.
Вождем завесили ей окно.

→ Май 05. 1949 #

ПОИСКИ

→ Не печальтесь

Я долго искал в комиссионных и в Пассаже,
искал на барахолке себе меч и щит,
и Росфинанта в колхозах подыскивал даже,
чтоб мир был в золото и в любовь расшит.

Я ходил смешной и, возможно, странный,
тоскуя о том, что хорошо,
а люди говорили: "Он слепой... он пьяный...",
когда через улицу наискосок я шел.
Меня штрафовать милиционеры не решались:
были сила и слезы у меня в прищуре глаз.
Я мечтал об острове, чтоб пальмы надо мной шептались.
Но граждане, граждане-люди! Я не могу без вас!
Город такой многолюдный, город такой великий!
И я знал, что все не вечно и все пройдет,
как осыплются старых икон почерневшие лики,
так растает в душах страх, сомненье и лед.
И я останавливался на углах, говорил с прохожими -
пьяница лез целоваться, завмаг головой кивал,
но я уходил - и...

ничего похожего:

пьяница снова бил жену, завмаг опять воровал.
Вечер на крышах, и там, где антенн так много,
я видел Голгофу на телевизионных крестах;
словно вечер, кроткого, словно мир, голубого,
там голуби тихо распяли Христа...
Я вижу: идет и плачет маленький человечек,
и надменные люди улыбаются ему вслед.
Мимо едут автобусы, им падает снег на плечи,
и головы детей седые - белый-белый снег.
Где вы, друзья-студенты, Сруль и филолог Ваня?
Ведь вас за хулиганство не задерживал патруль!
Почему же филолог теперь седой и работает сторожем в бане,
и неизвестно, где милый чудак и философ Сруль?
Мне давно уже снятся поля, я хочу умчаться в ночное.
Эй, мальчишки! Как мой Росфинант?
Где ты, верный Санчо-простак?
Утро настанет завтра, новое, молодое...
Завтра утром я лезу за доспехами на чердак!

Андрей
1950

3

х х х

Ближе к ночи распяли его
у пивного ларька за углом.
И в еврейские ноги его,
и в еврейские руки его
люди били тупым кирпичом.
Ночью дождь хлестал по щекам,
по бортам пиджака, по ногам,
дождь хлестал его накрест крест,
дождь хлестал - и хлестать устал...
Но еврей рано утром воскрес
и за пивом в очередь стал.

4

СТАРУХА

Умерла.

Унесли.

Тихо.

Дождь по трубам - и снова сухо.
И земля на могиле прахом.
И цветы на могиле пухом.
Это жизненная прострация -
под бельем ее чистым в комоде,
под газетой старой в комоде,
где написано о народе,
трехпроцентные облигации.
И одна из них выиграла вроде...
Неизменно всё было серым.
А потом вдруг стало черным.
И вот совсем неизвестным...
Всё сначала бывает тесным,
А потом простым и просторным.

5

Г О Й Я

Пленных в тыл отвести приказали,
наших троих в конвой им дали.
Конвойным скучно, шагают трое:
один с ухмылкой, другой - суровый,

а третий - шельма, в глазах такое...
Совсем безусый, белесобровый.

А пленных - тридцать,
тридцать фрицев.

Лутают щеки, носы в башлыки.

Им холодно, охают:

очень плохо им -
зима, Россия, большевики!

Но рады фрицам -
из боя вышли.

Что ж, что временно,
главное - живы!

А трое в ватниках
шагают в валенках,
рукавицы теплые на автоматиках.

Морозец щекочет,
щиплет щеки,
солнце в синем снегу
хохочет...

Только долго вести их очень...
В тыл доберутся только к ночи.
Но в лесу автоматная очередь
гулко рассыпалась над Россией...

Легли все тридцать
пленных фрицев,
мертвых фрицев
в мерзлом осиннике.

Руки подняты
и не поняты,

души отняты
и не отпеты.

А трое обратно идут:
"Мать их так!" -
солнце на автоматиках...

→ х х х

6
Та - другая - не придет ко мне
в комнату, где фикусовый глинец
растопырил листья на окне.
Там Пикассо красный на стене,
там Пикассо синий на стене,
как вино в наполненном стакане.
Там затейливый узор обоев
не скрывал клопных старых гнезд,
там нас как-то случай свел обоих,
там нас как-то муж застал обоих -
дворник, сволочь, видно он донес.
Муж и я. И наша, та, другая,
только вскрикивала из угла.
У него спина была тугая
и глаза, и лоб, как у бугая, ~
вся в наклон, по-бычьей голова.
Может, что и слышали соседи,
как на стол, на блюде он упал,
может, что и слышали соседи,
только я стоял, дышал, молчал.
А босая, наша, та, другая,
белая, как призрак в простыне,
медленно сползала по стене...

Дворник, дворник, не тебя ругаю...
...|Фикус, страшный фикус на окне!

2 → СТАРАЯ СОЛДАТСКАЯ ПЕСНЯ

Часы за часами надо стоять
смирно надо стоять.
Учись ружье к плечу поднимать
и к сапогу опускать!
И кто-то не вынес этой муштры -
бледнея в строю стоял,
и кто-то не от полдневной жары
нарушил строй и упал.
- К обеду начистить са-по-ги!

А руки можно не мыть...
Шли на обед, не сбиваясь с ноги,
скрипели и пели в пыли сапоги -
с песней шли есть и пить.
И снова, с ноги не сбиваясь, взвод
с песней в отхожее шел.
Солнце, песня, полный живот -
и значит, все хорошо!
А если в сортир заглянула бы мать -
не захотела б рожать:
по ранжиру сыну стоять,
по ранжиру и
Сразу тронулись - крепче шаг! -
не бойся, не будешь вы-се-чен!
Это раньше было так,
теперь без зу-бо-ты-чин.

Теперь, если скажет что сержант, -
смолчи, а если ответил -
даст наряд. (А в зубы даст -
так, чтоб никто не заметил!)

И вновь по порядку номеров
голоса набирают бег.

Стоим как забор, как поленница дров -
бревням-бревно человек!

А наш старшина мордаст и туп,
он глазом целит в меня...

Он в гимнастерке зеленой - дуб,
и мы - молодой дубняк.

Середина 1950-х

→ х х х

не печатаем

Мир был молод и подстрижен под нулевку.
Пальцы пахнуть начали махоркой.
Дерево и сталь звались винтовкой,
чья-то жизнь и смерть звались винтовкой.
Розовый, веснушчатый, высокий,

→ *... подстрижен под нулевку*

мир был молод и подстрижен под нулевку.

Перебежка, склеп, и вновь могила,
Мраморный Аристос с подбитым глазом...
Пуля уходила, приходила,
пуля приходила, находила ...
Кто-то замер, кто-то стонет рядом.
Мраморный Аристос с подбитым глазом...
Перебежка, склеп, и вновь могила.

Кладбище, где крест раскинул руки...
Пуля первая легла в противогазе,
а вторая - залегла в желудке.
Он не ел уже вторые сутки,
он не пил уже вторые сутки,
он не жил уже вторые сутки...
Пуля пятая легла под глазом.
Он лежал как крест - раскинув руки.

7

ВОСКРЕСЕНИЕ

Лубок

Верба набухла, серебром распушилась,
празднуя теплое солнца рождение,
и странное, светлое что-то случилось
с днем таким обычным - "воскресенье".
Не успела весна в пасху розу воткнуть,
с кулича полотенце русское снять,-
а дед уж графинчик успел кувырнуть

и нам, ребятам, по стопочке дать.

И Зинка как будто суровее стала -
меня, не то что в гостях у берез,
как чужого три раза поцеловала,
словно взрослая, холодно, неважно.

Но вот старуки на солнце вышли,
и мчимся мы за вербой в лес.

И жутко, и радостно мне от мысли,
Что правда где-то Христос воскрес!

А вечером дедка с Зинкиным батей
напились и стулья стали ломать,
и било, и било грязным в распятыя
святое и чистое слово - мать!

Мы с Зинкой сидели в углу и молчали,
мы не смотрели на образа,
страшно было, когда встречали
в темном углу немые глаза.

И Зинка во двор увела меня:

"Он не воскрес... Он не любит их ..."

А рядом плакали куры, клюя
скорлупки яиц цветных.

х х х

Не так это было, как думают люди.

Нам ключ оставляли, и мы приходили.

Наверно, мне долго памятна будет
Стена подворотни, покрытая пылью.

Нам дверь открывала старука,

блестели

глаза - не глаза - две старых монеты.

Вела коридором. Дверей конверты,
пряча чужое, молчали, чернели...

Пряча исподнее, пряча исконное:
деньги, любовь, матерщину, бюджеты...
Входили мы двое в дверь незнакомую,

В дверь, словно в ночь,
в неизвестность рисковую.
Я долго нащупывал выключатель.
Сухой и пустой, как орех, щелчок -
и левый угол взрывался кроватью,
и в левом углу над кроватью - бог.
Черный как ночь и невнятный как шорох,
засиженный днями и мухами бог.
Он видел там двух,
двух счастливых, которых,
мертвецки-распятый, не видеть не мог.
Он слышал там шепот, где слово каждое
было грехом и за грех прощеньем.
И знаю, он там захотел вот так же
нести этот крест - губ и рук скрещенье!
Взять в губы глаза ее, мочку уха,
и сердце с сердцем слить до рассвета!
И так же к дверям прижимала б старуха
жадный глаз-шупалец с блеском монеты.
Я плакал. Но это было похоже
на воскресенье среди серых буден.
Я плакал...

Ты знаешь, ты видел, боже, -
не так это было, как думают люди.

ПРОЩАНИЕ

8
Фонари-фонарики по городу бегут,
поздние трамвайчики по улицам ползут.
Что с тобой поделаю я,
голова бедовая?
В никуда приеду я
по тебе, Садовая!
Там, в уютной комнатке
все в этюдах стенки.
На стенах, на потолке
красные оттенки.
В синих папиросных клубках
гречневые волосы,
твои губы ввязнут в губы
в мои папиросные...

Так балуй меня, балуй
топкими губами
и руками убаюкай -
тонкими ветвями.
Засребется полночь-кошка
за горячей печью,
за трамвайным за окошком
пусто поздним вечером.
Лишь фонарики-фонарики
по улицам бегут,
под фонариками пьяного
с чинариком ведут.
Я тону, тону в глазах глубоких,
выплываю,
я губами не ресницы -
камнями хратаю.
Лучше б мне тебя не знать,
робкую, милую,
твое тело не сгибать,
тонкое, ивовое.
Я хочу побыть с тобой
долго ли, недолго.
Спи, туман мой голубой,
иволги за Волгой...
Завтра кисть в твоей руке
дрогнет, закачается.
Только тихо на реке,
только все кончается.
В подворотне четверо
кого-то стерегут...
Ах, фонарики-мазурики
по городу бегут...
Спи.

МАЛИНА

9 → Немного слов, затейливых, нестрогих,
и над кроватью коврик для детей.
Все было так обычно, как у многих:
у птиц, зверей, у мух и... у людей.
В квартире женщина, он для нее - мужчина.

Играют дети во дворе в песок.
Краснеет коврик на стене малиной,
со стула виснут галстук и чулок.
Открыты окна, в окнах занавески,
и солнце движется за ними по стене,
а дети во дворе, и чей-то голос детский:
"А мама куклу все не купит мне..."
И город словно затаил дыханье,
и им бы, все познав, понять и перестать,
но снова шум двора, трамваев громыханье,
квартиры тишина, и в тишине - кровать...
Запомнил, но не комнату мужчины,
не женщину - нет! - коврик на стене,
как осыпалась кроткая малина,
как засыхала тонкая малина,
как, засыпая, думала Марина:
"А мама куклу все не купит мне!..."
И детская вдруг радость в нем запела.
Пришел он снова, только к той, меньшей,
он улыбался, позвонил несмело,
большую куклу пряча за спиной.

х х х

10 В окне был июль, не помню, какого года.
Я вошел и повесил шляпу.
Она улыбалась мне,
нет, не шляпа, а женщина.
Она шла мне...
шла мне навстречу,
очень медленно,
очень пристально улыбаясь глазами,
где-то там, с другой стороны глазных яблок,
и ждала...
Кто же бросится первый, ну кто же?!
И тут вдруг упала она, нет, не женщина, - шляпа.
Вот растяпы - шляпных дел мастера,
или вешалка виновата,
или это моя рука,
что дрожала, ее повесив?!

Я не поднял ее, не поднял -

я все понял!

Пусть валяется старая ветошь!

Ведь она улыбалась мне.

Я протянул к ней руку,

свою единственную руку,

я схватил ее руку,

такую холодную, невозвратную

давнюю муку...

О безволя порыв!

Или страх, или звук упавшего фетра
пробудил в ней весь пыл:

она с криком повисла на мне!

Поднялась, поднилась снова пыль

над воронкой страшного лета!

Уронил я костыль -

ведь она была замужем,

а я любил ее мужа.

Да, что делать,

я очень любил ее мужа.

Ведь когда-то давным-давно

я подарил ему запонки,

такие чудесные запонки...

О, какие дивные запахи!

О, какие дивные волосы!

У меня по щекам текут ее слезы и волосы,

у меня по щекам текут ее губы без голоса...

О, какая давняя заповедь!

Память моя - твои волосы,

память твоя - мои возгласы...

Но молчал я, молчал...

И когда я нагнулся и поднял свой костыль,

и когда я нагнулся и поднял свою шляпу,

она вдруг упала.

Она обняла мой костыль

и заплакала страшно,

навзрыд.

О, моя единственная женщина!

→ х х х

11 Мне кажется, что я уснул давно.
Я сплю и вижу сон:
Вот вы сидите,
и вечер на дворе, и темное окно,
и на меня вы, как в себя, глядите.
А я - луна,
← и за луной темно,
Так в чем же свет?
В волнении свечи?
И в чем мое значенье?
В светлом слове,
которое неуловимо, словно
на ряби моря лунные лучи?
В поля протопал босоногий ангел.
Трава легла и встала горячо.
Он поднимался медленно, кругами,
пронесся отрешенно над полями,
чуть накрывая легкое плечо.
Так травы распрямляются в воде,
тела свои расправив по теченью.
Так все полно стремлени~~ем~~ к беде
и присяганье клонит к отреченью.

→ ТРАВА И КАМНИ

12 Я истекаю стихами,
не иссякаю,
капли стекают по стенкам стакана,
камни стихают.
Вот он прошел, этот ливень,
боль моя, прав он?
Был он не правый, не левый,
как трепет, как травы.
Но прав он.
Травы, замрите, смотрите:
камни тупы и блестят, как налимы,
вот кто вас давит!
Вам моя благодарность, нивы,
вам, - не камням, а травам.
Правы и лес, и мишук, и берлога,

и в окнах деревни набухшие рамы -
правы!

Правы дождливая даль, и дорога,
и фары машин,
осветившие грязь и столбы с проводами.

Прав и мальчишка, уроки в лесу прогулявший,-
он не выучил арифметических правил,
но прав он!

Прав и солдатик в наряде -
он так, как женщина, койку свою не заправил,
но прав он!

Прав и покойник Сезанн в споре своем с Налбандяном,
даже подрамником, рамой
прав он!

Да, все ночное людям не чуждо,
но как это чудно:

пахнет яичницей, вечером поздним мой ужин,
небом болдинским в лужах!

Но поздно...

Краем солнца багряного я истекаю.

Чу! Прогудел чей-то поезд над полем
я затихаю.

Вон, за шоссе, за домами
стихом, как гудком,
как дымком его, таю,

Вон, за полями, за строчкой берез стихаю.